

Ци Синь решил, что Е Чжицю — настоящий дьявол.

Властный, грубый, эгоистичный, совершенно не уважающий других.

Вернувшись из ресторана кухни провинции Хунань, он пролежал в постели целых три дня.

Из-за простуды и острой пищи у него началась рвота и диарея, поднялась высокая температура, а во рту от жара появились язвы, так что даже глотать было невыносимо больно.

Стоило Ци Синю вспомнить, как Е Чжицю спокойно и с удовольствием ел, а потом еще и добавил себе в контакты номер однокурсницы прямо перед ним, как гнев в его сердце начинал бурлить с новой силой.

Это уже слишком!

Ци Синь уже и не помнил, когда в последний раз так мучился.

Когда он пришел в больницу ставить капельницу и увидел, как медсестра вводит иглу в вену, ему захотелось немедленно позвонить Тао Жоцин и выплеснуть всю свою злость.

К черту эту работу, пусть ее делает кто-нибудь другой.

Но когда холодный раствор потек по венам, он успокоился.

Он все-таки позвонил, но говорил очень сдержанно.

К счастью, Тао Жоцин поняла, что его обидели, и помимо слов утешения, увеличила будущие инвестиции, что немного успокоило Ци Синя.

Положив трубку, Ци Синь закрыл глаза, чтобы прийти в себя.

Вот только Е Чжицю, похоже, не собирался оставлять его в покое.

Улыбающиеся глаза и его красивые, покрытые тонким слоем масла, розовые губы не переставали мелькать перед его глазами. Даже бушующий гнев превратился в дым, едва тлеющий на земле.

В ушах снова зазвучали слова Тао Жоцин:

— Не думай, что демонстрировать слабость и жаловаться — это некрасиво, — сказала Тао

Жоцин. — Напротив, это лучшие способы продвинуть отношения.

Взяв телефон, Ци Синь начал писать Е Чжицю, жалуясь на то, как сильно он болен.

Затем он сфотографировал капельницу и выложил снимок в Moments.

Если Е Чжицю хоть немного смягчится, он найдет способ вернуть себе утраченное в ресторане кухни провинции Хунань достоинство.

Но, увы, он ждал и ждал, пакет с лекарством почти опустел, в Moments пришло множество сообщений с заботой и вопросами о самочувствии, но только Е Чжицю никак не реагировал.

Тревога и беспокойство нарастали, Ци Синь больше не мог сидеть спокойно. Он сел на кровати и сразу же набрал его номер.

Тот довольно быстро ответил.

— Две, — раздался под тихую музыку чистый и приятный голос юноши, — одну с большим количеством сахара.

Ци Синь опешил, а потом понял, что Е Чжицю разговаривает не с ним.

— Ты пьешь кофе с кем-то? — недоверчиво спросил Ци Синь.

Он тут умирает на больничной койке под капельницей, а Е Чжицю, видите ли, развлекается с «кем-то».

— Угу, — равнодушно и спокойно ответил юноша.

— С кем? — спросил Ци Синь. Гнев снова вспыхнул в нем, заставив потерять самообладание. — Это твои друзья?

На том конце воцарилась тишина, только музыка доносилась из трубки — тихая, успокаивающая, но почему-то Ци Синю становилось все тревожнее.

Он уже хотел подавить свои эмоции и извиниться, как вдруг Е Чжицю, не говоря ни слова, повесил трубку.

Ци Синь[].....

Похоже, Е Чжицю даже не удосужился сказать ему что-то вроде: «Кто ты такой, чтобы указывать мне, с кем мне быть?».

Словно окаменевшая статуя, Ци Синь оставался в прежней позе, не двигаясь, только грудь его тяжело вздымалась.

Телефон в его ладони, казалось, вот-вот будет раздавлен. Из-за чрезмерного напряжения суставы его пальцев побелели, приобретя пугающий оттенок.

От начала до конца Е Чжицю произнес только одно слово: «Угу».

Одно «Угу»...

Это состояние длилось неизвестно сколько времени, пока мышцы спины не начали сводить судорогой, и вдруг в тишине раздался телефонный звонок.

Ци Синь вздрогнул.

Наверняка Е Чжицю увидел его сообщение о болезни и перезвонил.

Взволнованный, он даже не взглянул на номер и быстро ответил:

- Сяо Цю.

На том конце провода на мгновение воцарилась тишина, затем послышался голос Цзян Наня:

- Ты ждешь звонка от Е Чжицю?

Ци Синь:

- Нет, — у него и так болела голова от температуры, а теперь разболелась еще сильнее, — я... я только что поругался с ним, подумал, что он звонит, чтобы извиниться.

Непонятно почему, хотя он так много лет мечтал о Цзян Нане, в этот момент, получив его звонок, Ци Синь не испытал особой радости.

Даже...

Даже почувствовал легкое, едва заметное разочарование от того, что звонит не Е Чжицю.

- Ты болеешь, а он еще и ругается с тобой? — Цзян Нань был в недоумении. — Невоспитанный, как есть невоспитанный.

Эти слова задели Ци Синя за живое, и он невольно вздохнул.

- В какой ты больнице? — снова спросил Цзян Нань.

- Ты хочешь навестить меня? — Ци Синь горько усмехнулся, полушутя-полусерьезно проверяя его.

Произнеся «хочешь навестить меня», он снова подумал о Е Чжицю.

Возможно, Е Чжицю действительно еще не видел его сообщения.

Если увидит позже, то, может быть, подобно Цзян Наню, смягчится и придет навестить его.

- Мы же друзья, — безупречно ответил Цзян Нань. — Так положено.

В то же время Е Чжицю только что взял кусочек сахара-рафинада и равнодушно опустил его в чашку.

Сообщение от Ци Синя он, конечно же, увидел, но лишь увидел и не более.

Простуда и жар — это разве что-то серьезное? Это только начало.

В прошлой жизни он «случайно» запер его за дверь без телефона и ключей, и тот провел холодную зимнюю ночь, большую ее часть, на улице, съезжившись в тонкой пижаме.

Вернувшись со встречи с Цзян Нанем, он лишь упрекнул его за то, что тот не приготовил ему ужин.

Тогда он и заболел, после чего стал очень бояться холода.

Но во время его болезни с высокой температурой и потерей сознания Ци Синь даже не заходил домой, а позже, каждую зиму, насмеялся над ним за то, что он слишком тепло одевается, и что его чувство стила давно умерло...

С Тао Жоцин и ее сыном Е Чжицю еще нужно было играть роль, но с Ци Синем, ха...

Разве он не гордый?

Он хотел заставить его изматывать себя, злиться, чувствовать негодование и унижение, но при этом вынудить его ради выгоды отказаться от своей гордости и заглушить свою остроту.

Так же, как тот поступал с ним в прошлой жизни.

Забавно, правда?

Раздался мелодичный звон колокольчика, и высокая фигура Лань Хуа появилась в дверях кафе.

Е Чжицю встал и помахал рукой, увидев, что Лань Хуа идет к нему.

- Ты поел? — спросил Лань Хуа. — Если нет, я могу сводить тебя в соседний KFC.

Сегодня он был на совещании в управлении образования, где пообедал, прежде чем прийти сюда.

У Е Чжицю возникло странное ощущение, что дядя до сих пор считает его ребенком и пытается его убажить.

Холод в его глазах постепенно рассеялся, и Е Чжицю слегка улыбнулся.

- Поел, — сказал он.

Зимнее солнце светило сквозь окно, освещая половину белоснежной щеки юноши. Густые ресницы и светло-карие глаза, залитые солнечным светом, казались почти прозрачными.

Чистый, невинный и нежный.

Он был почти точной копией своей матери.

Лань Хуа замер.

Такого Е Чжицю он не видел уже очень давно.

Или, возможно, никогда не видел.

Хотя они были родными дядей и племянником, Е Чжицю никогда не был с ним близок. В детстве, когда они изредка виделись, он всегда казался отстраненным, а повзрослев, стал относиться к нему с враждебностью.

- Садись, — Лань Хуа сел и некоторое время молчал.

- Дядя, — Е Чжицю подвинул вторую чашку кофе к нему. — Помню, в прошлый раз вы заказывали латте. В этом кафе его неплохо готовят, попробуйте.

Лань Хуа молча взял чашку, сделал глоток и через некоторое время кивнул:

- Действительно неплохо.

На мгновение дядя и племянник встретились взглядами.

Все те прошлые неразумные поступки, те представления о родственных отношениях, навязанные другими людьми...

Е Чжицю знал, что одних извинений недостаточно, чтобы получить прощение.

Но он все же искренне посмотрел на Лань Хуа:

- Простите меня, дядя.

Не нужно было называть причину, не нужно было искать оправданий. В этот момент они оба все понимали.

Свет в глазах Лань Хуа немного померк. Глядя на Е Чжицю, он невольно вспомнил свою сестру, Лань Юэ.

"Прости меня, брат", — так же сказала ему Лань Юэ, когда сразу после окончания университета решила выйти замуж за Е Хунсяня.

Их родители рано ушли из жизни, и он один вырастил её, они были очень близки, поэтому, когда сестра просила прощения, он не мог сердиться на нее.

Он просто беспокоился, что она, выйдя замуж в другой город, будет одинока и беззащитна, если ее обидят.

Теперь, глядя на Е Чжицю, на это лицо, как две капли воды похожее на лицо его сестры, все прошлые обиды и разочарования растворились в легком, как дуновение ветерка, вздохе.

- Дядя никогда не сердился на тебя, — сказал он.

Тогда он просто чувствовал себя бессильным.

Два человека, девять слов, но этого было достаточно, чтобы окончательно оставить прошлое позади.

Е Чжицю поджал губы, его глаза слегка покраснели.

В глазах всех окружающих у него были замечательные родители и брат, которые очень хорошо к нему относились, но только он сам знал, что только этот человек перед ним был его единственным по-настоящему родным человеком.

Перед ним Е Чжицю не нужно было притворяться, не нужно было играть, он мог говорить всё, что у него на уме, не боясь удара в спину, который мог произойти в любой момент.

— Дядя, — Е Чжицю подавил свои эмоции и сразу перешёл к делу. — Сколько вы знаете о том, что случилось с моей мамой в прошлом?

— Почему ты вдруг вспомнил о своей матери? — Лань Хуа был несколько удивлён.

Все эти годы Е Чжицю редко упоминал свою родную мать, он всегда был ближе к своей мачехе Тао Жоцин.

— Мне просто кажется, что некоторые вещи могут быть не такими, как я думал раньше, — Е Чжицю сделал паузу. — Особенно возраст Е Чжися...

Е Чжися был всего на восемь месяцев младше Е Чжицю, и дома, и за его пределами все говорили, что Тао Жоцин во время беременности плохо себя чувствовала, поэтому родила раньше срока.

Раньше Е Чжицю никогда ни в чём не сомневался.

Он не доверял Е Хунсянь, который постоянно изменял жене, но он безгранично доверял Тао Жоцин.

Но теперь, когда он знал истинное лицо мачехи, скрытое за маской, он мог с уверенностью сказать, что она и Е Хунсянь были вместе ещё до смерти его матери, Лань Юэ.

А Е Чжися, естественно, не был недоношенным ребёнком.

Его особенно беспокоило ещё одно: с детства Тао Жоцин говорила ему, что когда у его матери была послеродовая депрессия, она приходила к ней.

«Она тогда ещё сказала, — Тао Жоцин, улыбаясь, рассказывала ему, — что она ничего не хочет от жизни, только чтобы ты был здоров и счастлив, чтобы в будущем ты мог делать всё, что захочешь, без каких-либо забот».

Это была одна из причин, по которой Тао Жоцин так баловала его.

Но если в то время, когда женщина навещала Лань Юэ, она уже была беременна, или если Лань Юэ вообще не говорила этих слов...

Е Чжицю не мог представить, какую роль Тао Жоцин сыграла в самоубийстве его матери.

А использовать уже умершую мать, чтобы манипулировать её любимым ребёнком — это просто злобно, это уже не просто «отвратительно».

— Я думал обо всём этом ещё тогда, — сказал Лань Хуа. — Но твоя мать всегда скрывала свои проблемы, и в то время я был здесь чужим, хотя и тайно расследовал какое-то время, но ничего не нашёл, однако...

Он сделал паузу и продолжил:

— Когда ты родился, я специально взял отпуск, чтобы позаботиться о твоей матери. В то время она, как и другие молодые мамы, была полностью погружена в свою новую роль и не вела себя странно.

Поэтому, когда Лань Хуа получил известие о самоубийстве Лань Юэ, он был так потрясён и сразу же подал заявление о переводе из Тайчэна, надеясь быть рядом с Е Чжицю.

К сожалению, всё пошло не так, как он хотел, Тао Жоцин относилась к нему с большой настороженностью, и Е Чжицю не был близок с ним и не доверял ему.

— Прошло столько времени, если тогда не удалось найти доказательств, то сейчас это тем более невозможно, — Лань Хуа вздохнул. — Если бы твоя мать была ещё жива, она бы не хотела, чтобы ты погряз в ненависти или заиклился на прошлом.

Солнце за окном светило так ярко, но оно не могло прогнать тьму в человеческих сердцах.

В таком случае, Лань Хуа предпочёл бы, чтобы Е Чжицю мог жить как обычный молодой человек, просто и счастливо, а не мучиться прошлым.

Е Чжицю молча опустил глаза, ощущая, как шелковистая сладость кофе наполняет его рот, слегка приглушая горький вкус в душе.

— Я понимаю, — сказал он.

Дядя слишком много о нём беспокоился, именно ради него он покинул свою родину и приехал сюда, Е Чжицю не хотел, чтобы он снова переживал за него.

Но как можно просто забыть такую ненависть?

Не только за свою мать, но и за себя самого...

Если бы они так легко могли забыть о кровавой мести за себя и свою мать, разве это не было бы слишком дешёво для тех, кто совершил зло?

В прошлой жизни, если бы не непредвиденные обстоятельства, собственность семьи Е непременно перешла бы в руки Е Чжэна и Е Чжися, а Тао Жоцин стала бы главной победительницей в семье Е.

А развлекательная компания Е Чжися и Гао Вэнье приносила бы огромную прибыль, они были бы счастливы и любили бы друг друга, а Тан Лэ, благодаря им, стал бы известным стилистом и нашёл бы свою вторую половинку.

Что касается Ци Синя и Цзян Наня, то они бы тоже обрели счастье...

Почему те, кто совершил зло, все могли быть счастливы? А невинные жертвы могли только лежать у них под ногами, истекая кровью, никому не нужные?

Если небеса не могут восстановить справедливость для жертв, то он сам станет небесами и накажет злодеев по заслугам.

<http://bllate.org/book/14243/1258008>